

Глава 41

Видя, как Цзян Сяосань моргает своими большими глазами и не сводит с него взгляда, Цзян Сяои покраснел ещё больше.

— Он, он...

Цзян Сяосань, будто что-то придумав, вдруг топнул ножкой и громко заявил:

— Старший брат, это гэфу, да?

Цзян Сяои подсознательно кивнул.

Цзян Сяосань вскрикнул от восторга, посмотрел то на Цзян Сяои, то на Бай Цзыму, затем, тяжело дыша, подпрыгнул на месте пару раз и вдруг бросился во двор, радостно крича:

— Отец, второй брат, гэфу приехал, гэфу приехал! У Сяосаня наконец-то есть гэфу, как здорово!

Брови отца Цзяна дёрнулись. Он, не говоря ни слова, схватил сына и шлёпнул его по маленькой попке.

— Что ты несёшь? Если слухи пойдут, как твой брат будет людям в глаза смотреть?

— Я не вру! — как раз в этот момент Бай Цзыму и Цзян Сяои вошли в дверь, и Цзян Сяосань указал на них пальцем. — Отец, смотри, у Сяосаня есть гэфу!

Отец Цзян поднял голову и увидел, что за его гэ'эром действительно идёт молодой мужчина. Что за дела? Он на мгновение растерялся, а когда пришёл в себя, тут же посмотрел на Цзян Сяои.

— Это?..

— Это Бай Цзыму, — быстро ответил Цзян Сяои.

А дальше? Встретившись с вопросительным взглядом отца, Цзян Сяои запнулся. Перед Цзян Сяосанем он мог без стеснения признать Бай Цзыму своим мужем, но перед отцом ему было неловко.

Бай Цзыму взял инициативу в свои руки и, улыбаясь, вежливо поздоровался:

— Здравствуйте, отец.

Отец Цзян опешил, его веко задергалось.

— Ты не смей так меня называть!

— А почему нет? Я же не собака, — смущённо ответил Бай Цзыму. — Я стану вашим приходящим зятем. Если не называть вас отцом, то как? Старым хрычом? Это как-то нехорошо!

Отец Цзян потерял дар речи. «...Откуда этот парень взялся? Почему он с порога заявляет, что хочет стать моим зятем? Если бы я не видел, что мой сын с ним знаком, я бы его уже давно вырубил».

Крик Цзян Сяосаня привлёк внимание соседей из семьи Цянь. Отец Цзян велел Бай Цзыму скорее заходить в дом. Он ещё сам не разобрался в ситуации, и если их увидят стоящими на улице, пойдут слухи, что будет очень некстати.

Цзян Сяои всегда был послушным и за все эти годы не доставлял семье никаких хлопот. А тут ушёл ненадолго и привёл с собой мужчину. Будь тот хоть немного некрасив, отец Цзян был бы спокойнее, думая, что его сын всё обдумал и взвесил, прежде чем привести его домой. Но Бай Цзыму... с его-то внешностью, как у учёного-красавчика, был уж слишком хорош собой. Отец Цзян, будучи человеком опытным, знал, что молодые девушки и гэ'эры падки на таких.

Его сын, наверное, просто прогулялся, случайно встретил этого парня, и от одного взгляда потерял голову.

Хотя он и не думал о том, чтобы звать в дом зятя, и всё это было слишком внезапно, раз уж его сын привёл человека, значит, у него были такие намерения. Приходящего зятя найти нелегко. Прогнать его нельзя, но и расспросить обо всём как следует необходимо. Это ведь серьёзное дело. Его сын, может, и потерял голову, но он-то был в здравом уме.

Бай Цзыму и Цзян Сяои по дороге уже договорились, что говорить. Когда отец Цзян спросил, откуда он, как они познакомились и был ли он женат, Бай Цзыму был готов.

— Ты же не пытаешься обмануть моего сына? — нахмурился отец Цзян. — Сяосань, иди принеси мой топор для дров. Молодой человек, видишь мой топор? Большой? Блестящий? Я его только на днях наточил. Вся деревня, когда свиной режет, у меня топор одалживает. Один удар — и свиная голова отлетает на три метра.

Бай Цзыму молчал. «...»

Отец Цзян пристально посмотрел на него.

— Если не скажешь правду и обманешь меня хоть на полслова, завтра будешь жить в горах.

Бай Цзыму снова промолчал. «...Такой суровый?»

— Откуда ты? — спросил отец Цзян.

Обманывать людей казалось простым, но на самом деле это было совсем не так. Однако у Бай Цзыму был богатый опыт.

— Я раньше жил на севере, из деревни Шангала.

— Шангала? — он никогда не слышал о такой, но всё же кивнул. Север был далеко от их города Пинъян, так что неудивительно, что он не слышал. Если бы Бай Цзыму врал, он бы не ответил так быстро.

— Чем раньше занимался? Родители живы?

Бай Цзыму снова повторил историю, которую рассказывал писарю, и отец Цзян не выдержал. Этот ребёнок... сколько же он натерпелся. Их собственная жизнь была несладкой, но, оказывается, у других бывает и хуже.

Цзян Сяозэр и Цзян Сяосань слушали с блестящими глазами, словно это была захватывающая приключенческая история про их гэфу.

Цзян Сяои, видя, как отец верит вранью Бай Цзыму, молча вздохнул и кашлянул, глядя на Бай Цзыму, чтобы тот был поскромнее, а то уж слишком заврался.

Как они встретились, тоже было легко объяснить. Один побирался, другой часто ходил на рынок.

Бай Цзыму с искренним видом сказал:

— Ваш сын — хороший человек. Увидел, как я попрошайничаю на обочине, пожалел меня и часто бросал мне свои гнилые листья капусты. Мне нечем было отплатить, кроме как предложить себя в мужья.

«Значит, благодарный». Отец Цзян втайне кивнул, а затем задал ещё кучу вопросов, допрашивая его до полуночи. Цзян Сяозэр уже засыпал. Цзян Сяои велел ему идти спать, но тот не хотел и стоял перед Бай Цзыму, с любопытством слушая его рассказы.

Голова его клонилась, как у неваляшки. Бай Цзыму усмехнулся, поднял его на руки и уложил к

себе на колени, легонько похлопывая по попке.

— Спи.

Цзян Сяоэр во всём слушался Цзян Сяои. Раз старший брат сказал, что это гэфу, значит, так и есть. Он ухватился за край одежды Бай Цзыму, не смея сильно тянуть, лишь двумя пальчиками держал его за рукав. Его движения были осторожными и робкими, словно он боялся рассердить Бай Цзыму. Он прошептал своим мягким голоском:

— Спасибо, гэфу.

Бай Цзыму не удержался и поцеловал его.

— Ты такой милый.

Цзян Сяоэр дотронулся до лба, куда его поцеловали, и его сердце забилося чаще. Он подумал, что этот гэфу такой нежный, красивее всех братьев, которых он когда-либо видел, и говорит так приятно, да ещё и поцеловал его.

Цзян Сяосань смотрел на это с завистью, крепко сжимая кулачки. Жаль, что он был так возбуждён и совсем не хотел спать, а то гэфу мог бы и его обнять.

Отец Цзян молча наблюдал за этой сценой, и все вопросы застряли у него в горле. Бай Цзыму, казалось, искренне любит Цзян Сяоэра, его поведение не выглядело притворным.

На самом деле, он просто боялся, что Бай Цзыму — обманщик с дурными намерениями. Но, подумав, он понял, что если бы тот действительно хотел обмануть, то, увидев их дом, сразу бы развернулся и ушёл. Что с них взять? Зачем их обманывать? Ради того, что его сын умеет точить ножи? Вряд ли. Этот парень не выглядел сумасшедшим.

Но всё же нужно было присмотреться. И поговорить со старшей ветвью семьи, иначе на душе было беспокойно.

Так Бай Цзыму остался у них. Ночью он спал с отцом Цзяном. Было тесновато, но Бай Цзыму чувствовал себя уютнее, чем в гостинице. Последние несколько ночей он почти не спал, а сейчас, едва лёг, как отец Цзян, сходяв в туалет и вернувшись, обнаружил, что тот уже спит мёртвым сном.

Отец Цзян, видя, как он сладко спит в незнакомом месте, не мог сдержать улыбки.

На следующий день, как только пропел петух соседа Цяня, Бай Цзыму проснулся. Услышав шум снаружи, он догадался, что это Цзян Сяои, и тихонько перелез через отца Цзяна.

Цзян Сяои готовил завтрак. Увидев, как он сонно входит в дверь, он спросил:

— Ты чего проснулся? Я тебя разбудил?

Кухня примыкала к главной комнате, их разделяла всего одна стена.

— Нет, — Бай Цзыму подошёл к шкафу, достал ивовую ветку и пошёл на улицу умываться. Он прожил в доме Цзянов почти два месяца и хорошо всё знал.

Деревенские жители использовали ивовые ветки для чистки зубов. Те, кто мог себе позволить, макали их в соль, но соль была дорогой, её и для еды не хватало, так что никто не тратил её на зубы.

Цзян Сяои только что вымыл котёл. Бай Цзыму вошёл и, увидев, что тот замешивает кукурузную муку, спросил:

— Что собираешься готовить?

— Лепёшки, — Цзян Сяои резал капусту. — Сегодня с отцом идём в горы. Каша не насытит. Ты будешь?

— Конечно! — Бай Цзыму подумал немного и, прислонившись к столу, посмотрел на Цзян Сяои. — Сяои, ты действительно уверен?

Этот вопрос был неожиданным. Цзян Сяои, который всю ночь плохо спал от радости и несколько раз вскакивал, чтобы убедиться, что это не сон, и тайком заглядывал в главную комнату, чтобы увидеть спящего Бай Цзыму, теперь успокоился. Вчера, когда он стоял у двери и смотрел, Бай Цзыму знал об этом. Вспомнив, как Цзян Сяои, рискуя собой, защищал его от грозы, и как он одиноко сидел у въезда в деревню, худой и хрупкий, ожидая его, Бай Цзыму принял решение.

Цзян Сяои замер.

— Конечно, правда, — его голос стал тише, в нём звучали тревога и страх. — Ты передумал?

— Нет, — Бай Цзыму ткнул его пальцем в щёку, а затем нежно погладил большим пальцем. — Я просто хотел тебе сказать, что хотя мои раны зажили, моей магической силы пока недостаточно, чтобы долго поддерживать человеческий облик.

— И что же делать? — напрягся Цзян Сяои.

— Я хочу разрушить пилюлю для формирования тела.

— Что это значит?

— Мой духовный центр ещё не восстановился полностью, и сознание повреждено. Но я читал об одной технике, когда можно извлечь всю духовную энергию из даньтяня, чтобы стабилизировать человеческое тело. Но в таком случае мой даньтянь получит непоправимый урон.

Цзян Сяои не совсем понял, но услышав слово «урон», тут же замотал головой. Бай Цзыму опередил его:

— Ничего страшного, это не опасно для жизни. Просто... я, возможно, больше никогда не смогу совершенствоваться.

Это означало, что его развитие остановится на текущем уровне. Кроме того, что он сможет иногда превращаться в свой первоначальный облик и использовать некоторые заклинания, он станет «смертным».

— У меня сейчас нет работы, нет денег, нет земли. Хотя в моей пространственной сумке ещё кое-что осталось, рано или поздно это закончится. Ты всё ещё любишь меня? Всё ещё хочешь быть со мной?..

— Хочу! — Цзян Сяои бросился ему на грудь, взволнованно говоря: — Что бы с тобой ни случилось, я хочу! Если у тебя нет денег, я буду больше работать, я смогу тебя прокормить. Это не опасно? На самом деле, не так уж и важно, если ты не сможешь долго оставаться человеком.

Это было неважно, но здесь было мало духовной энергии, и без пилюль, даже если он продолжит совершенствоваться, кроме продления жизни, ему будет трудно достичь просветления. К тому же, из-за ограничений Небесного Пути он не мог безрассудно использовать магию, если только это не было вопросом жизни и смерти. Удар молнии, когда он летел в Сычуань и создавал фальшивые документы, был лучшим тому доказательством. Почему его ударило именно тогда, а не в другое время? И ударило так, что он чуть не умер, потеряв триста лет совершенствования и едва выжив.

Сейчас его магической силы было мало, и он не знал, как долго сможет поддерживать человеческий облик. Если он будет всё время дома, это не проблема, но если снаружи он случайно вернётся в свою первоначальную форму, то быть беде. Это был самый надёжный способ.

— Тогда когда ты собираешься разрушить пилюлю? — обеспокоенно спросил Цзян Сяои.

— Сегодня вечером, — Бай Цзыму, видя, как тот неумело жарит лепёшки, понял, что он волнуется, и усмехнулся. — Не переживай, я не умру. Я больше всего на свете боюсь смерти и не стал бы делать то, в чём не уверен. Успокойся, давай я пожарю лепёшки.

— Тогда я завтра не пойду рубить дрова, останусь дома и позабочусь о тебе, хорошо? — спросил Цзян Сяои.

— Не нужно, — терпеливо ответил Бай Цзыму. — Это не так уж и серьёзно. Просто несколько дней буду чувствовать слабость. Посплю, и всё пройдёт.

Цзян Сяои подумал и согласился. Теперь в семье появился ещё один человек, и ему нужно было работать ещё больше. Раз Бай Цзыму станет человеком, ему нужно будет есть человеческую еду. Если он не нарубит больше дров, как он купит Бай Цзыму мясо?

Отец Цзян, прислонившись к маленькому окошку кухни, выглядывал, приоткрыв половину лица. Он некоторое время молча наблюдал, как Бай Цзыму переворачивает лепёшки лопаткой, а Цзян Сяои сидит на маленькой табуретке и следит за огнём. Неизвестно, о чём они говорили, но сначала его сын выглядел недовольным, а через мгновение Бай Цзыму взял готовую лепёшку, подул на неё и поднёс ко рту его сына. Сказав что-то ещё, он заставил его рассмеяться. Сын смущённо и игриво ударил Бай Цзыму кулачком.

Сердце отца Цзяна, которое было не на месте, снова успокоилось. Этот парень не гнушался кухонной работы, которая считалась женской, и мог помочь по дому. В этом Бай Цзыму отличался от других мужчин. Местные мужчины никогда бы не стали заниматься такой работой, считая её уделом жён и фуланов. Они думали, что если мужчина будет этим заниматься, это будет недостойно, не по-мужски, и над ним будут смеяться. Поэтому, даже во время напряжённых полевых работ, когда все вместе трудились, мужчины, вернувшись домой, садились отдыхать, как господа, и даже если жена на кухне сбивалась с ног, не желали помочь. Но жизнь ведь проходит за закрытыми дверями, и такой мужчина не будет заботиться о своей семье. В этом отношении Бай Цзыму был хорош.

Лепёшки ещё не были готовы, а Цзян Сяозэр и Цзян Сяосань уже проснулись. Едва вскочив, они поспешно оделись и выбежали на улицу, чтобы посмотреть, на месте ли их гэфу. Услышав голос Бай Цзыму из кухни, малыши, как два снаряда, ворвались туда.

Бай Цзыму увидел, как они, вбежав, остановились в двух метрах от него и вытянулись по-солдатски, прижав ручки к бёдрам и не сводя с него глаз. Он не мог сдержать смеха.

Цзян Сяои встал с табуретки, налил в таз воды и принёс полотенце, чтобы умыть их.

— Проголодались? — спросил он.

Цзян Сяосань энергично закивал.

— Голоден, старший брат! Сяосань сегодня сам оделся, и Сяосань уже давно не писается в постель. Сяосань умеет много работать: собирать хворост, полоть сорняки, стирать одежду и даже готовить еду. Сяосань послушный, — говоря это, он искоса поглядывал на Бай Цыму, словно специально говорил это для него. Он хотел, чтобы Бай Цыму знал, какой он послушный, и полюбил его.

Бай Цыму усмехнулся и ущипнул его за щёку.

— Знаю, что ты послушный. Иди прополощи рот, гэфу пожарит тебе лепёшку.

Цзян Сяосань был вне себя от радости.

— Спасибо, гэфу!

Отец Цзян только что прополоскал рот, когда к нему подбежал Цзян Сяоэр с раскрасневшимся от восторга лицом.

— Отец, отец!

— Мм? — отец Цзян присел на корточки. — Что такое?

— Я угостил гэфу конфетой, — детские способы угодить были незамысловаты. Цзян Сяоэр был очень взволнован. — Гэфу съел и снова поцеловал Сяоэра. Гэфу любит Сяоэра.

— Правда? — отец Цзян был втайне доволен. Но его радость была недолгой. На следующий день Бай Цыму не встал. Когда он и Цзян Сяои вернулись с гор в полдень, тот всё ещё спал мёртвым сном.

Он уже приготовил еду и хотел пойти разбудить Бай Цыму, но Цзян Сяои остановил его, сказав, что Бай Цыму нездоров, пусть поспит ещё немного. Еду он подогреет в котле, а они поедят первыми.

Отец Цзян спросил, что случилось, не простудился ли он ночью. Цзян Сяои ответил, что нет, но не дал ему беспокоить Бай Цыму и повернулся, чтобы попросить Цзян Сяоэра и Цзян Сяосаня не шуметь.

Последние два дня, просыпаясь, Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань первым делом искали своего гэфу, чтобы поиграть с ним. В семье Цзян было мало людей, и жизнь была довольно скучной. Появление нового человека, который к тому же играл с ними, привело малышей в восторг.

Сегодня Бай Цыму встал поздно. Проснувшись, дети сразу побежали в главную комнату посмотреть на него. Увидев, что он всё ещё спит, они не стали шуметь, а тихо стояли у кровати

и смотрели. Цзян Сяои спросил их, на что они смотрят. Цзян Сяоэр снова достал свою заветную молочную конфету, которую берёт, и сказал, что хочет угостить гэфу.

Он любил этого гэфу. Любил, и поэтому хотел ему угодить.

Цзян Сяои сказал, что Бай Цзыму ещё спит, и попросил их не шуметь. Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань, охраняя дом в полдень, даже в камешки боялись играть во дворе, чтобы не разбудить гэфу, опасаясь, что он рассердится и уйдёт. И вот теперь Цзян Сяои снова напомнил им, и малыши энергично закивали.

Отец Цзян всё же беспокоился. Поев, пока Цзян Сяои стирал покрывала, он вошёл в главную комнату и потрогал лоб Бай Цзыму. Не горячий. Что же с ним тогда? Прислушавшись, он потерял дар речи. Какое там нездоровье, это же просто лень! Слышите, он уже похрапывает.

— Сяоэр, Сяосань, вы поели? — снаружи кто-то пришёл. Отец Цзян выглянул в дверь и увидел невестку своего двоюродного дяди, его ровесницу. Она пришла одна, и он, чтобы избежать неловкости, не стал выходить.

<http://bllate.org/book/13701/1589763>